

ПОЛИТИЧЕСКИЕ БАНДЫ И АНТИПОЛИТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

Я.В. Веселов

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается сравнительно новое и быстро развивающееся направление политической мысли под названием антиполитический коммунизм. Анализируются его идейные истоки и основные критические идеи.*

Ключевые слова: *политические идеологии, концепт, антиполитический коммунизм, марксизм.*

На протяжении всей своей истории марксизм прочно связывал себя с массами и массовой политикой. Помимо этого, большое внимание уделялось и организационному оформлению массового политического действия. Основными организационными формами, преобладавшими в марксистской (и шире, социалистической) политической теории и практике, были партия и профсоюз. Таковыми они остались и поныне. Тем не менее, в конце XX в. появляется целый ряд авторов, оспаривающий подобного рода представления об эффективности этих организации, ставшие практически аксиоматическими. Но оспаривают они не только эффективности тех или иных организационных форм, но и саму связь марксизма с массами и политикой. Отсюда и название направления, объединяющего этих авторов — антиполитический коммунизм.

Идейные истоки антиполитического коммунизма

В статье «Le roman de nos origins» [Dauvé 1983] Жиль Дове упоминает 3 традиции, наиболее последовательно описывавшие различные измерения коммунизма, ставшие источником для антиполитического коммунизма:

1. Германо-голландский левый коммунизм¹ и левое люксембургянство, а также его последователей во второй половине 20 в., прежде всего, французскую группу «Социализм или варварство» (Socialisme ou Barbarie);

2. Итальянскую левую, Интернациональную Коммунистическую партия (ИКП) и её лидера Амадео Бордигу;

3. Ситуационизм и Ситуационистский Интернационал.

¹ Он же коммунизм советов (council communism) или рэтекоммунизм (Rätekommunismus).

От коммунизма Советов он взял утверждение источника революционного процесса в самоорганизации рабочих и критику опосредования пролетарского опыта (партий, профсоюзов и т. д.), но отверг фетишизм самоуправления. Итальянская Левая оказалась полезна глубоким проникновением в суть коммунизма, но её ленинистский багаж и партийную метафизику он оставил в прошлом. Ситуационизм же был хорош современной критикой капитализма и толкованием коммунизма как универсального, охватывающего все стороны жизни, движения. Ниже мы подробнее скажем о каждом из этих направлений политической мысли.

Германо-голландский левый коммунизм

Германо-голландский левый коммунизм — политическое движение в 20–30 гг. XX в., преимущественно представленное в Германии и Нидерландах. Являлся своеобразным «третьим путём» в социалистическом движении начала 20 века, противопоставляя себя как традиционной социал-демократии с её реформизмом и направленностью на парламентскую борьбу, так и большевизму с его идеями диктатуры пролетариата и руководящей роли коммунистической партии.

К основным представителям коммунизма рабочих советов можно отнести Антона Паннекука и Германа Гортера, которые являлись основателями Коммунистической партии Голландии (КПГ), а также Вилли Галлахера, Сильвию Панкхёрст из британской Коммунистической рабочей партии (КРП). В Германии движение было представлено Коммунистической рабочей партией Германии (КРПГ)², во главе с тем же Г. Гортером, а также Всеобщим Рабочим Союзом — Единство (AAUD-E), имевшим в своём составе до 83 тысяч членов и являвшимся, по сути, антипрофсоюзным профсоюзом.

Как было сказано выше, рэтекоммунисты отвергали профсоюзы как институты, встроенные в капиталистическую экономику, а потому глубоко реакционные и контрреволюционные. Партия же рассматривалась либо как помощник в организации борьбы рабочих (Гортер, Панкхёрст, ранний Паннекук), либо как сугубо интеллектуальный орган, занимающийся теоретической работой (поздний Паннекук) [Раннекоек 2002]. Таким образом, любая руководящая роль партийной организации отрицалась как попытка создания диктатуры в будущем.

В России коммунизм рабочих советов, по большей части, известен благодаря критике этого движения В.И. Лениным в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» [Ленин 1990].

У германо-голландского левого коммунизма и люксембургизма движение антиполитического коммунизма заимствовало, прежде всего, представление о революционной спонтанности и автономности пролетариата, недоверие к партийному и профсоюзному движению. Позже это недоверие эволюционировало в полное неприятие профсоюзов и партий в качестве институциональной основы классовой борьбы. Помимо этого, стоит также отметить и поддержку рабочего самоуправления, которая была ядром левого коммунизма. С другой стороны, был подвергнут основательной критике столь характерный для левых коммунистов акцент на производственном аспекте жизни пролетариата и, соответственно, самоуправлении на предприятии. Также отвергалось фетишизированное представление о рабочем самоуправлении как об альтернативной форме управления, противопоставляемой частному и государственному.

² Лидеры КРПГ причисляли себя к наследникам «спартаковцев» — членов «Союза Спартака», во главе которых находились Роза Люксембург и Карл Либкнехт.

«Социализм или варварство»

Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г. и последующее за этим установление крайне авторитарного режима, а также начавшаяся несколько лет спустя Вторая мировая война — всё это нанесло сокрушительный удар по германскому (и шире, европейскому) рабочему движению. Будучи частью этого движения, германо-голландский левый коммунизм пострадал сильнее всего, превратившись из влиятельной политической силы в почти забытое и сугубо теоретическое направление, потерявшее свою связь как с организованным пролетариатом, так и с марксистскими интеллектуальными кругами. Первые попытки восстановить эту связь наметились в послевоенной Франции в 50-х гг.

«Социализм или варварство» — леворадикальная французская группа, основанная бывшими троцкистами Клодом Лефором и Корнелиусом Касториадисом в 1949 году и самораспустившаяся в 1965 [Van der Linden 1997]. Образование группы было связано с дискуссией среди европейских троцкистов, предметом которой была экономическая и политическая природа Советского Союза³. Затяжной характер дискуссии и непримиримость позиций привели к выходу Лефора и Касториадиса из французской секции Четвёртого Интернационала⁴.

Члены группы отвергали традиционный для последователей Троцкого взгляд на СССР как «деформированное рабочее государство»⁵. Они считали, что по своей сути советская экономика принципиально не отличалась от экономик капиталистических государств. Отличие же заключалось лишь в форме собственности. В остальном же наблюдаем схожие процессы: эксплуатация, товарно-денежный оборот, циркуляция капитала и т. д. Параллельно группа печатала в своём одноимённом журнале так называемые «рабочие заметки» — небольшие статьи самих рабочих, тем самым вовлекая пролетариев в теоретическую деятельность.

Позднее группа пополнилась анархистами, бывшими бордигистами⁶ и сторонниками коммунизма рабочих советов. С этим связано и смещение фокуса с рассмотрения экономики СССР на исследование взаимодействия рабочих на производстве. Члены группы задавались вопросом: возможна ли борьба пролетариата с капитализмом без объединения в иерархические организации, имеющие тенденции к бюрократизации и подмене интересов рабочих своими собственными? Параллельно группа вела дискуссию с Антоном Паннекуком — ведущим теоретиком голландского рэтекоммунизма.⁷ Итогом дискуссии стала ориентация группы на демократию рабочих советов и неприятие руководящей роли партий и других организаций. Деятельность группы дополнила теорию рэтекоммунистов своеобразной «рабочей социологией» [Lefort 1952].

У группы «Социализм или варварство» было заимствовано представление о коммуникации между рабочими как необходимом условии коммунистического движения, а также взгляд на пролетариат как на источник новых социальных отношений, а не орудие свершения революции, которому следует привнести «революционное сознание». Отвергалась всё та же ори-

³ Главный вопрос дискуссии заключался в том, как с помощью марксистской теории формаций можно объяснить экономические и политические процессы в СССР: является ли он, в конечном счёте, социалистическим (как полагал Троцкий и его сторонники), капиталистическим или принадлежит к иной формации, отличной от предыдущих.

⁴ Четвёртый Интернационал — международная коммунистическая организация, созданная Л. Троцким и его сторонниками в противовес Коминтерну (Коммунистическому Интернационалу), контролируемому советскими сталинистами.

⁵ Теория, согласно которой, СССР является рабочим государством по сути, но деформировано вследствие захвата власти бюрократией во время установления диктатуры пролетариата. Подробнее о теории деформированного государства: Троцкий 1991.

⁶ Последователи итальянского теоретика А. Бордиги.

⁷ И одним из немногих представителей германо-голландского левого коммунизма, который пережил Вторую мировую войну.

ентация на рабочее самоуправление как форму управления, а не на антагонистичное положение пролетариата.

Итальянская левая

Помимо троцкизма и германо-голландского коммунизма рабочих советов, на группу «Социализм или варварство» также повлияли и итальянские социалисты, прежде всего, Амадео Бордига.

Итальянская коммунистическая партия (ИКП) была создана в 1921 году в результате раскола в Итальянской социалистической партии (ИСП). Во главе ИКП стояли Амадео Бордига и Антонио Грамши. В результате внутрипартийной борьбы в 30-х гг. Бордига и его сторонники были исключены из ИКП⁸. В 1943 году итальянские левые коммунисты Онорато Дамени и Бруно Маффи основали Интернациональную коммунистическую партию (ИСП), к которой в 1949 присоединился и Бордига со своими сторонниками. Члены ИСП участвовали в борьбе с режимом Муссолини, предпочитая тактику партизанской войны и забастовок на заводах, а также захвата фабрик с целью организации рабочих советов.

В отличие от немецких левых коммунистов Бордига настаивал на взаимодействии с профсоюзами, так как это единственная организация, в которой возможна организованная борьба рабочих на производстве. Главной целью рабочего движения он считал диктатуру пролетариата, потому что, по его мнению, выполнение коммунистической программы, включающее в себя отмену денег и рынка, важнее, чем форма управления⁹.

Итальянская левая позволила расширить предметное поле антиполитического коммунизма, позволив взглянуть на рабочего за пределами его производительной деятельности, а также увидеть приоритет отмены рынка товаров и рынка труда перед рабочим самоуправлением. К негативным сторонам стоит отнести ориентацию на партийную диктатуру пролетариата и профсоюзную деятельность, а также разделение революционной борьбы на экономическую (первичную) и политическую (вторичную).

Ситуационистский Интернационал

Как было отмечено выше, Итальянская левая заметно повлияла на французских посттроцкистов из группы «Социализм или варварство». Но этим её влияние не ограничивается, так как некоторые посттроцкисты были непосредственно связаны и с ситуационизмом.

Ситуационистский Интернационал (СИ) — международная организация, состоящая из философов, художников-авангардистов и политических теоретиков. СИ просуществовал 15 лет, с 1957 по 1972.

К интеллектуальным основам СИ можно отнести различные вариации антиавторитарного марксизма и авангардного искусства начала XX в., в частности, дадаизм и сюрреализм. Также на становление ситуационизма повлияла Венгерская революция 1956 года, которая развеяла иллюзии относительно социалистического содержания СССР и возобновила интерес к идее рабочих советов. В целом же, ситуационистская теория представляла собой попытку синтеза различных теоретических дисциплин для всеобъемлющей критики современного ей капитализма середины 20 века. Безусловно, ситуационисты признавали, что капитализм изменился со времён Маркса, но считали, что марксистский анализ капитализма, в целом, является верным. При этом они провели определённое расширение предметного поля марксистского анализа, например, доработав теорию отчуждения. В расширенной интерпре-

⁸ Бордига был исключён из партии по обвинению во фракционистской «троцкистской» деятельности.

⁹ Бордига был последовательным противником демократии, так как отрицал ценность демократической формы без коммунистического содержания и считал, что демократия есть не более, чем манипуляция, превращающая пролетариат в бесформенную массу. Подробнее см.: Bordiga 1976: 18–22.

тации марксистской теории ситуационисты утверждали, что нищета социальной отчуждённости и товарный фетишизм больше не ограничиваются основными сферами капиталистического общества, но проникают во все аспекты жизни и культуры. Они решительно отвергали идею, что такие очевидные успехи современного капитализма, как технический прогресс, повышение доходов населения и улучшение качества жизни, могут «перевесить» социальную дисфункцию и деградацию повседневной жизни, наносящие огромный ущерб.

Существенное значение для ситуационистской теории имела концепция «спектакля», разработанная Ги Дебором [Дебор 1999], суть которой состояла в нарастании тенденции к выражению социальных отношений через объекты. Ситуационисты считали, что переход от индивидуального выражения через непосредственный опыт или непосредственное удовлетворение подлинных желаний к индивидуальному выражению через обмен и потребление товаров (пассивное отчуждение), заключающееся в удовлетворении навязанных потребностей, наносят значительный и долгосрочный вред как человеку, так и обществу. Противоположностью же спектаклю они считали освобождение от повседневной жизни, удовлетворение «истинных» желаний и практики «пробуждения», т. е. попыток сознательно проживать каждый момент.

Изначально СИ имел преимущественно художественную направленность; акцент делался на урбанизме и психогеографии. Но позже он сместился в сторону политической теории левого толка¹⁰. Пика своего влияния СИ достиг в 1967–1968 гг., когда вышли две главные книги ситуационизма: «Общество спектакля» Ги Дебора и «Революция повседневной жизни» Рауля Ванейгема [Ванейгем 2005]. Эти книги, наряду с другими текстами Ситуационистского Интернационала [Ситуационистский Интернационал... 2012], оказали большое влияние на формирование идей, лежащих в основе Красного Мая 1968 года.

Что касается антиполитического коммунизма, то он заимствовал у ситуационистов критику активизма (о которой будет сказано ниже), идею революции как подрыва основ государства и капитализма — отношений труда и капитала, а не политической революции как взятия власти (как это было у Бордиги), а также смещение фокуса рассмотрения на повседневную жизнь рабочих за пределами фабрик и заводов. С другой стороны, была отвергнута надежда ситуационистов на то, что можно использовать медиа для пропаганды революционных идей¹¹, доходящий до абсурда элитизм и заикленность на себе, наивный поиск «подлинной жизни». Кроме того, были раскритикованы всё те же консилистские¹² иллюзии (ориентация на советы как форму управления, а не её содержание)¹³, а также буржуазные представления об изобилии, достигаемом через автоматизацию.

Основные представители антиполитического коммунизма и родственные направления

После рассмотрения основных источников антиполитического коммунизма обратимся к непосредственному анализу данного явления.

Прежде всего следует отметить, что антиполитический коммунизм объединяет в себе большое количество различных авторов и характеризуется значительной разнородностью. Тем не менее, можно выделить несколько признаков, на основе которых можно говорить о классификации автора (или коллектива авторов) по отношению к данному направлению политической мысли:

¹⁰ Сам Ги Дебор некоторое время являлся членом вышеупомянутой группы «Социализм или варварство».

¹¹ Эта надежда сыграла с ситуационистами злую шутку, абсорбируя их идеи и превратив их эпатаж в часть спектакля, с чем они так упорно боролись.

¹² От англ. «council» — совет, т. е. относящиеся к коммунизму рабочих советов.

¹³ Здесь стоит отметить, что созданные в результате Венгерской революции советы, на которые ориентировались ситуационисты, поддержали отнюдь не коммунистически настроенные силы.

1. Критика активизма;
2. Критика организационизма и различных форм организации (партий, профсоюзов и т. д.);
3. Критика политического измерения и восприятия классово́й борьбы;
4. Приверженность ценностям коммунистической и/или анархической политической философии;
5. Отказ от политического прожектёрства в смысле составления требований к власти, переходных программ и т. д.

Двумя «ключевыми» фигурами антиполитического коммунизма, на которых следует сделать акцент, являются французские теоретики Жак Каматт и Жиль Дове. Сразу же стоит отметить, что выделение двух этих фигур является дискуссионным, что будет показано, когда мы подробнее опишем каждого из них в отдельности. Тем не менее, нам кажется, что подобная стратегия выстраивания «интеллектуального ландшафта» в данном направлении, является наиболее оправданной.

Говоря о Жаке Каматте, прежде всего, стоит сказать, что он являлся членом левокоммунистической Интернациональной рабочей партии (ИРП), одним из главных теоретиков которой был Амадео Бордига. Собственно, отсюда и влияние бордигизма на антиполитический коммунизм. Тем не менее, в 1966 году Каматт вышел из ИКП, тем самым выразив несогласие с её «активистским поворотом». В 1968 г. Каматт, вместе со своими сторонниками, основал журнал «Invariance».

Со временем, позиции Каматта подверглись радикализации и уже не укладывались в привычные рамки левого коммунизма. Каматт декларировал отказ от любых организационных форм¹⁴, а бордигистскую критику капитализма считал слабой, непоследовательной и не учитывающей современные реалии. А реалии, по его мнению, были таковы, что капитал перешёл из стадии экспансии, когда он захватывал новые, к стадии деспотизма, т. е. полного подчинения социальных отношений интересам капитала. Многие марксисты видели в подобной «гомогенности капитала» предвестник конца капитализма, но не Каматт. Он был настроен более пессимистично, считал, что капитал всё более размывает классовые границы (при этом сохраняя «правлящий класс»), ведя к всеобщей пролетаризации. Пролетариат как класс, по его мнению, больше неспособен на революционные преобразования, так как проиграл классовую борьбу, сделав ставку на развитие производительных сил, науку и наёмный труд. Развитие производительных сил, по мнению Каматта, поработило рабочих, наука стала идеологией этого порабощения, а наёмный труд стал препятствием не только для освобождения труда, но и для его уничтожения. Рабочий класс становится лишь одним из аспектов капитала, а будущее революционное движение будет состоять в борьбе капитала и человечества. Такой пересмотр классических марксистских положений отчасти роднит Каматта с постмарксизмом, в частности, немецкой группой «Кризис» и Робертом Курцем.

Подобный пессимизм относительно революционной перспективы привёл Каматта к эскапистским идеям близости к природе и отказа от её искажения и сближению с анархо-примитивизмом, с одной стороны, и отхода от позиций антиполитического коммунизма, с другой.

Другой важной фигурой для антиполитического коммунизма является француз Жиль Дове. Дове связан с левым коммунизмом (как итальянским бордигизмом, так германо-голландским рэтекоммунизмом), но, в отличие от Каматта, скорее, теоретически, нежели организационно. Впоследствии, Дове подвергнет критике проект левого коммунизма, пересмотрев и доработав некоторые из его положений. Одной из главных целей Жилия Дове была разработка новой коммунистической программы, которая учитывала бы опыт радикальной политики по-

¹⁴ Что на его примере выразилось в самороспуске группы, работавшей над журналом «Invariance» в 1969 году.

сле 1968 года, в том числе ситуационистов и автономистов. Для этого он совместно Карлом Несичем участвовал в издании журнала *La Vanquise* в период с 1983 по 1986 гг.

Итогом теоретической работы Дове стала концепция «коммунизации» (*communization*), которая соединила в себе повстанческий анархизм (инсуррекссионизм), левый коммунизм, по-автономизм и антиполитический коммунизм, а также породила целое движение, прежде всего, во Франции, Германии и Великобритании, к которому можно отнести такие группы как «Невидимый комитет» (*Invisible Committee*) [Невидимый комитет... 2011], Тиккун (*Tiqqun*) [Тиккун 2014], «Коммунистическая теория» (*Théorie Communiste*), «Примечания» (*Endnotes*) и др.¹⁵. Коммунизация представляет собой процесс, подрывающий власть капитала и подготавливающий общество к революции. Как пишет сам Дове: «Коммунизация, напротив, будет распространять продукты без денег, откроет ворота, отделяющие фабрики от жилых районов, закроет другие фабрики, где трудовой процесс слишком отчуждающий для того, чтобы его можно было технически улучшить, избавиться от школы, как от специфического места, отделяющего учёбу от дела на 15 странных лет, снесёт стены, обрекающие людей на тюремное заключение в 3-комнатных семейных квартирах — вкратце, она уничтожит все разделения» [Dauvé, Martin 1997: 24].

Разумеется, помимо Жака Каматта и Жилия Дове существует целый ряд авторов, которых следует причислить к движению антиполитического коммунизма¹⁶. Среди них Эндрю Икс (*Andrew X*), группа «Обмен и движение» (*Échanges et Mouvement*), журнал «Письма» (*Letters*) и др.

Но наиболее влиятельным представителем антиполитического коммунизма (помимо Каматта и Дове) является британская группа «Месье Дюпон» (*Monsieur Dupont*). Именно эта группа включает в себя признаки, характерные для антиполитического коммунизма, такие как критика активизма, критика организаций, критика политики, отказ от политического проективизма, а также критика труда, что роднит их с такими фигурами как вышеупомянутая постмарксистская группа «Кризис» [Группа «Кризис»... 1999] анархист Боб Блэк [Блэк 2004], леворадикальный философ Андре Горц [Gorz 1999] и др.

Идеи группы выражены в многочисленных статьях в различных журналах и веб-ресурсах, но прежде всего, в книге «Нигилистический коммунизм: критика оптимизма крайне левых» [Dupont 2009], одной из центральных тем которой является критика старой марксистской концепции «привнесения» революционного сознания.

Говоря о родственных антиполитическому коммунизму направлениях, нельзя обойти вниманием статью «От политики к жизни: избавляя анархию от левого бремени» [Landstreicher 2002] за авторством Вольфи Ландстрейчера (*Wolfi Landstreicher*) — одним из псевдонимов Ферал Фавна (*Feral Faun*), американского анархиста, представителя постлефтизма. В своей статье он предлагает избавиться от наследия левой политической традиции в анархизме. Выражается это в следующем:

1. Отказ от политического восприятия социальной борьбы;
2. Отказ от организационизма;
3. Отказ от демократии и «количественной иллюзии»;
4. Отказ от предъявлений требований к власти предрержащим;
5. Отказ от идеи прогресса;
6. Отказ от политики идентичности;
7. Отказ от коллективизма;
8. Отказ от идеологии и программ.

Как мы видим из вышеприведённых принципов, антиполитический коммунизм солидарен со многими пунктами критики традиционной левой постлефтистами, что сближает их не

¹⁵ К сожалению, нет возможности рассмотреть движение коммунизации в рамках этой работы.

¹⁶ Здесь стоит отметить, что как некое организационное движение, конечно антиполитического коммунизма нет.

только с Ферал Фавном, но и вышеупомянутым Бобом Блэком, Фредди Перлманом, Джейсоном МакКуином, Хакимом Беем, Джоном Зерзаном и др.

Критика активизма

Теперь, когда мы обозначили основных представителей, антиполитического коммунизма, мы можем перейти к отдельным критическим аспектам данного направления, в частности, критике активизма.

Статья английской группы «Месье Дюпон» «Разрушить каждое рабочее место» [Дюпон 2011] начинается с критики т.н. «вербовочного проповедничества» — одного из приёмов левого активизма, включающего в себя пикеты, публичную агитацию, раздачу газет у проходных заводов и т. д. Впрочем, стоит отметить, что подобная критика «активистской» стороны левого движения довольно распространена среди антиполитических коммунистов и, пожалуй, является одним из ключевых принципов, на котором строится это движение.

Далее они переключаются на критику технологий, обезличивания труда и коммодификации (что также является довольно часто встречается среди представителей антиполитического коммунизма), сопутствующих развитию капиталистической экономики.

Нападкам подвергаются и ценностные концепты современного буржуазного общества, некоторые из которых претендуют на статус «общечеловеческих» и разделяются некоторыми представителями коммунистического движения. Они пишут: «Свобода — это буржуазная концепция. [...] Идеалы „свободы“, „любви“, „дружбы“ — это конструкты людей, отчуждённых от своего повседневного существования и друг от друга. Эти романтические идеалы призваны облегчить экзистенциальное отчаяние от жизни в мире, не позволяющем раскрыться подлинной человеческой общности. Свобода и индивидуальность — это ложь, подкрепляющая идеологию, без которой капитализм не смог бы нормально функционировать».

Соответственно, главным оружием революционной группы (прореволюционеров) становятся не программы переустройства общества и прочие готовые решения, которые категорически отвергаются как идеологические и опирающиеся исключительно на веру, а беспощадная критика, которая, скорее, ставит проблемы, а не решает их. Решение же этих проблем — удел не узкой группы интеллектуалов, а социальных классов, их противостояния и общественных практик, которые порождает революционный повстанческий пролетариат.

Ещё более примечательной здесь является работа представителя немецкого рэтекоммунизма (коммунизма рабочих советов) Сэма Мосса «Бессилие революционной группы» 1939 года [Moss 1939], опубликованная в журнале «Living Marxism». Исходя из даты, можно заметить, что текст является довольно нетипичным для своего времени, так как антиполитический коммунизм получил своё развитие во второй половине XX века, уже после спада «волны 68-го». Таким образом, этот текст является своеобразным «приветом из прошлого».

Прежде всего, Мосс проводит различие между революционными организациями и массами. Если революционеры стремятся к уничтожению капитализма, то массы стремятся к улучшению своего материального положения. На основе этого фундаментального различия он и анализирует неудачи революционных левых организаций. Рабочие массы, вполне рационально выбирающие «синицу в руке» (сохранение status quo и стабильности) вместо «журавля в небе» (революции и неопределённости), видят в революционерах помеху или даже угрозу собственному положению. Капитализм даёт работу и заработную плату, революционеры же — лишь идеи и надежды. При этом, сами революционеры не гнушаются улучшением собственного материального положения, включаясь в бизнес-структуры, академические институции, а иногда и государственные органы.

Мосс утверждает, что классовая борьба ведётся посредством больших групп, а не малочисленных левацких сект и протекает она на заводах, а не в марксистских кружках. И ведётся она, как отмечает автор, вполне успешно. Только это борьба консервативных рабочих масс,

объединённых в профсоюзы (не что иное как тред-юнионизм). Если революционеры и участвуют в этой борьбе, пытаясь направить рабочих, то они лишь помогают рабочим добиться требований улучшения материального благополучия, после чего рабочие теряют к ним интерес.

Впрочем, Мосс убеждён в способности рабочих идти на более радикальные действия, если капитализм не сможет удовлетворить их требования улучшения материального благосостояния. А в неспособности революционной группы повлиять на массы рабочих он видит возможность отказа от политического лидерства малых групп, что, конечно, может не устраивать некоторых «революционеров».

И всё же, если деятельность революционных групп настолько бесплодна и бессмысленна, то зачем люди объединяются? И Мосс даёт вполне убедительный ответ: «Да просто потому, что это служит нашим личным нуждам. Люди, разделяющие общее чувство бунта против общества, построенного на эксплуатации и войне, всегда будут искать себе подобных, и пользоваться всеми доступными средствами для борьбы. Неспособные бороться против системы с остальными людьми, они будут бороться сами по себе». Эта формулировка, отражающая личный интерес «прореволюционеров» в политической деятельности, а не «историческую необходимость», «репрезентацию интересов рабочего класса» и пр., станет довольно распространённой среди представителей антиполитического коммунизма.

Если Мосс, по большей части, затрагивал объективные аспекты критики активизма, то Эндрю Икс в своей статье «Отказаться от активизма» [Andrew 2011] сосредоточился на субъективной стороне вопроса.

Прежде всего, автор определяет активизм как отдельную и специализированную обязанность, основанную на разделении труда, и заключающуюся в привилегированном подходе к социальным изменениям. Таким образом, активист является экспертом по социальным изменениям. Следовательно, мы можем (как это уже сделал Мосс) провести границу между активистами-экспертами и пассивными массами. Отсюда проистекает предположение о том, что активисты являются своеобразным «двигателем» всех социальных изменений и компенсируют недостаток активности масс.

При этом, мышление активиста, в его борьбе за социальные изменения, ориентировано на конкретные проекты — «кампании», будь то борьба с нарушением прав рабочих на конкретном заводе, использованием животных при тестировании косметики, уплотнительной застройки и т. д. Подобная ориентация на частное, а не на общее, по мнению Эндрю Икса, только играет на руку капиталу, помогая приспособиться к тактике протестующих, даже если активисты одержали победу в одной из кампаний.

Роль активиста реакционна, так как является вписанной в status quo. В этом смысле активист подобен профсоюзному боссу, заинтересованном в сохранении действующего положения дел. Но при этом, для активиста характерна жертвенность, преданность делу, которая, в силу специализации деятельности активиста, рассматривается, скорее, как работа, а не часть жизни самого активиста. «Активист делает политику тусклой и стерильной и отвращает от неё людей, но исполнение этой роли разрушает и самого активиста. Роль активиста разводит в разные стороны цели и средства: самопожертвование означает проведение черты между революцией как любовью и радостью в будущем и — долгом и рутинной в настоящем. Весь активизм до мозга костей пронизан чувством вины и долга, потому что активист борется не для себя, но для какого-то отдельного от него Дела» [Andrew 2011].

Политическая деятельность превращается в рутинную работу, связанную с почти мазохистской потребностью в активности (пикетах, митингах, раздаче газет и т. д.). Таким образом, политическое действие подвергается фетишизации, с чем так упорно борется левое движение.

Стоит сказать пару слов и об идентичности активистов. Чаще всего они идентифицируют себя с другими активистами (преимущественно, из их организации), а не с классом, за

права которого они борются и требуют объединить усилия в борьбе, что, конечно, не мешает вести локальные войны с другими группировками активистов. Достижение конечной цели (победа над капитализмом) рассматривается активистом лишь как увеличение количество таких же как он до некой критической массы. Для этого каждый активист должен заниматься постоянным поиском и рекрутизацией новых членов организации, что позволяет подняться выше в иерархии¹⁷.

В заключение, автор констатирует активизм как форму либерального реформизма и предлагает отказаться от него, хотя и не предлагает отчётливой альтернативы, что, конечно, характерно для антиполитического коммунизма.

Критика организации

Другим важным аспектом антиполитического коммунизма является критика организации. При критике организации надо вспомнить текст одного из главных теоретиков антиполитического коммунизма Жака Каматта «Об организации» [Camatte 2012]. В ней он использует термин «банда» для обозначения конкурирующих организаций. Банды характерны не только для экономики, но и для политики. Более того, бандами являются и разнообразные левые организации: от крупных парламентских партий, до крошечных сект интеллектуалов. Капитал поглотил организованное движение пролетариата, итогом чего стала борьба различных левацких банд за поддержку рабочих. Банда стремится к поглощению как можно большего количества членов (активистов), что позволит добиться влияния и поддержки. Борьба с существующей системой становится лишь фасадом организационного строительства и рекрутизации новых членов.

Деятельность банды основывается на противопоставлении внешнего и внутреннего. Если внешним является класс, то внутренней является банда. Для своих — теория, обосновывающая лояльность банде, но не делу, для чужих — пропаганда, целью которой является привлечение новых членов. Эта оппозиция проявляется в разделении на ядро интеллектуалов и массу активистов внутри самой банды. Даже отсутствие формальной иерархии не спасает от подобного разделения. Главными становятся наиболее «активные», объединяющиеся в «кликну» и диктующие свою волю остальным.

Победу в борьбе банд обеспечивают два ресурса: престиж и исключительность. Престиж может быть теоретическим (проработанность теории) и организационным (количество членов) и направлен на разные «сегменты рынка». Здесь выводы Каматта пересекаются с концепцией «политического капитала» Бурдьё [Бурдьё 1993].

Единство банды поддерживается за счёт жёстких санкций против «отступников», которые выражаются в исключении, клевете, огульной критике и т. д. Политическая банда есть иллюзорное сообщество, стремящееся выставить себя как модель для всего общества.

Пролетариат, заключает Каматт, должен отказаться от организационного оформления, за которым скрывается деятельность банд, и рэкета, характерного для них. «Теория, критикующая рэкет, не может одновременно воспроизводить его. Отсюда вытекает отказ от всех форм групповой активности, иначе — иллюзия сообщества» [Camatte 2012] Отсюда и отказ от идентификации революционера с партией, организацией и т. д.

В статье «Ленинизм и ультралевые» [Dauvé, Martin 1997] Жиль Дове подвергает критике как традиционную марксистскую (точнее, ленинскую) теорию партии-авангарда, так и концепцию рабочего самоуправления, которую отстаивают левые коммунисты.

Ключевой тезис ленинской теории партии заключается в постулировании реформистского сознания рабочего класса. Согласно этому тезису, рабочие способны вести борьбу лишь в рамках экономических требований (повышение заработной платы, улучшение условий тру-

¹⁷ Подобная система распространена в организациях с так называемым «сетевым маркетингом» — Amway, Oriflame, Avon и т. д. О критике активистских организаций, их структуре и проч. будет сказано ниже.

да, и т. д.). На самостоятельную выработку политических требований они неспособны. Подобная система, считает Ленин, не подрывает основ капитализма, а эффективно встраивается в него и носит имя «тред-юнионизм»¹⁸. Поэтому необходима партия, члены которой являлись бы носителями революционной теории, которую они пропагандировали бы среди пролетариата.

Подобный взгляд на пролетариат, утверждает Дове, проистекает из непоследовательного взгляда на капитализм. Во время экономического роста и стабильности у пролетариата нет возможности и, тем более, потребности совершать радикальные прореволюционные действия. Поэтому наиболее подходящей тактикой для них является тред-юнионизм. К тому же, требование повышения заработной платы и экономические стачки и забастовки также ухудшают положения капиталистов. В периоды экономической рецессии и нестабильности рабочие сами выдвигают революционные требования, пусть и не обличённые в форму стройной политической теории, устраивают политические стачки, захватывают и запускают остановленные предприятия, формируют коллективные органы управления.

Для Ленина пролетариат всегда находился в первой фазе (тред-юнионизм), чем он обосновывал теорию партии-авангарда. Левые коммунисты же всегда видели в пролетариате потенциал второй фазы (революционной), поэтому отстаивали рабочее самоуправление и невмешательство революционных групп в их деятельность, кроме распространения информации.

Ошибка левых коммунистов заключается в анализе капитализма с точки зрения управления (кто руководит, капиталист или рабочий совет). Ведь социализм заключается не просто в коллективном управлении предприятии¹⁹, а в уничтожении наёмного труда, закона стоимости и рыночного обмена. «Капитализм — это не способ управления, а способ производства, основанный на данных производственных отношениях. Революция должна быть нацеленной на эти отношения. [...] Ленин и ультралевые настаивают на его формах: на форме организации, на форме управления обществом, забывая при этом о содержании революционного движения» [Dauvé, Martin 1997: 152].

Таким образом, Дове подвергает критике не только и не столько конкретные формы организации рабочих (партии, профсоюзы, советы и т. д.), сколько сам организационный фетишизм, т. е. приоритет организационной формы перед содержанием революционного процесса.

Жиль Дове отмечает, что подобный «революционный эскапизм», характерный для некоторых представителей левого коммунизма, является пустым и надуманным, так как в революционных ситуациях теоретики-революционеры и практики-пролетарии сотрудничают без каких-либо проблем, не пытаясь навязать друг другу свою позицию, что и показал пример Красного Мая 1968 года во Франции.

Критика политического сознания

Последним моментом, о котором мы хотели бы сказать, является критика политического сознания в антиполитическом коммунизме. Наиболее подробно и последовательно эта критика изложена в книге группы «Месье Дюпон» под названием «Нигилистический коммунизм». Многие революционно настроенные группы считают, что невозможно совершить революцию без некоего «революционного сознания». При этом, сами группы не всегда могут сформулировать, что они под этим понимают. Так или иначе, но модель сознания (Consciousness Model) является одним из важнейших аспектов революционной теории.

¹⁸ От англ. trade union — профсоюз.

¹⁹ Подобная система уже реализуется, во-первых, через акционирование, а во-вторых, через прямое самоуправление и кооперативы. Безусловно, подобные предприятия являются более «социально» ориентированными, но, тем не менее, вынуждены действовать по правилам капиталистической рыночной экономики.

При этом, многие группы считают, что революция не обусловлена прошлым, а является, скорее, разрывом с настоящим. «Но если мы не можем опознать будущее в настоящем, то мы не можем решить, какую прореволюционную деятельность нам стоит поощрять и продвигать в будущем. Мы утверждаем, что большая часть прореволюционной деятельности лишь расширяет условия для предотвращения будущего» [Dupont 2009]. Примером подобной пагубной прореволюционной деятельности является воспроизводство сознания (которое включает в себе тактику и стратегию революционной деятельности), которое привело к поражению революции. Сознание как организационный принцип используется буржуазией для манипуляции пролетариатом.

В качестве альтернативы модели сознания, Месье Дюпон предлагают предоставить рабочим захват предприятий и рассматривать революцию в двух стадиях:

1. Самоуправление предприятием исходя из собственных интересов;
2. Коллапс существующих форм власти из-за противоречия рабочего самоуправления.

Рабочему классу нужно не столько революционное сознание, сколько координация событий, причин и следствий, которые приведут к экономическому кризису, который позволит рабочим завладеть экономическими рычагами.

Во время первой стадии пролетариат будет стремиться последовательно защищать свои интересы, что и приведёт к его диктатуре. А во время второй стадии, рабочего класса как некой социальной категории уже не будет. Безусловно, рабочие действуют сознательно, но это не сознание в марксистско-гегелевском смысле, т. е. координация предварительно заданных ценностей среди большого количества людей как условие взаимодействия с миром. Некое революционное сознание, судя по всему, не будет предшествовать революции, а напротив, появится в её результате.

Многие про-революционеры утверждают, что революция не может произойти без революционной воли. Для них, революционный орган должен осознавать своей цели и связь между своими действиями и целями, он должен быть осведомлен о последствиях того, что он делает, когда он принимает участие в революционной деятельности. Для многих про-революционеров это означает, что революционный орган должен сознательно воплощать революционные и пост-революционные ценности. Вопрос сознания, следовательно, занимает центральное место в революционном проекте и про-революционной практике. Но определённые проблемы становятся очевидными, если рассмотреть конкретные компоненты сознания и средств его передачи и проявления в «революционном теле». Первой из них является объективное разделение на про-революционеров и «революционное тело», и здесь, кажется, мало общего между политическими ценностями про-революционеров и экономической борьбой «революционного тела». Это разделение наиболее ярко выражены в классе: лишь меньшинство про-революционеров является пролетариями. Это разделение требует решения проблемы того, как выйти на рабочих, какой язык использовать, какие краткосрочные цели можно преследовать без ущерба для революционного проекта, и так далее. Что самое важное, существует проблема воспроизводства классовых отношений в революционном движении: средний класс интеллектуалов как руководителей и пролетариев как исполнителей.

Сознание является политической категорией. Нет никакой объективно существующей отдельной сферы революционного сознания. И, конечно же, она не может принадлежать какой-то отдельной части человечества. В том числе и рабочим. Таким образом, если революционное сознание не существует объективно, то есть в качестве непосредственного определения материальной базы, то организация должна привнести его в мир. Но что это за организация?

Это сами про-революционеры, которые привносят революционное сознание. Но если мы не представляем про-революционеров как объективное выражение отрицания капиталистического общества, то мы должны видеть весь их антагонизм по отношению ко всем аспектам существующего порядка (и не только к некоторым политическим вопросам), а также их

роль в передаче определённых ценностей рабочему классу, как нечто большее, чем несколько субъективное, потому ошибочное. Большинство про-революционных групп были образованы с целью свержения капитализма, исходя из потребностей общества, и поэтому они считают себя квалифицированным, чтобы задавать определённую стратегию и ценности для пролетариата. Напротив, все про-революционные группы являются субъективными органами, созданными субъективной волей их участников, и их перспектива никогда не выходит за эту субъективность. Про-революционные группы не являются историческими партиями, они не произрастают из экономической базы пролетариата, они не являются неизбежным результатом противоречий капитализма. В большинстве случаев про-революционные группы создаются в ответ на чисто политические события и практически не имеют отношения к классовой борьбе. Те же, кто выступает за передачу революционного сознания рабочему классу посредством про-революционеров, видят себя, разумеется, в роли руководства. При этом, он, не призывая друг друга быть более реалистичным, чтобы выступать на языке, который рабочие поймут, и т. д. Поэтому они занимаются обычной вербовкой, о чём и говорил Жак Каматт. Идеологические требования, предъявляемые к пролетариату, несмотря на весь безуспешный опыт этого метода, ставят телегу впереди лошади. И это верно, как для сторонников рабочих советов, так и для приверженцев партии-авангарда.

Заключение

Занимаясь исследованиями в области истории политической философии, точнее, исследованиями конкретных школ и направлений политической мысли, мы сталкиваемся с рядом проблем:

1. Определением внутренних границ исследуемого объекта, т. е. прослеживанием определённой преемственности между авторами, текстами и т. д.
2. Определения внешних границ объекта, т. е. выявления связи с другими направлениями политической мысли, сохраняя при этом максимально чёткое разграничение между ними.
3. Неизбежностью редукции объекта к нескольким основным принципам, идеями, концептам.

Помимо этих трёх основных проблем, существуют ещё и специфические характеристики исследуемого объекта, затруднявшие полноценное исследование. На примере изучения антиполитического коммунизма, можно выделить следующие специфические проблемы:

1. Принципиальную не академичность данного направления;
2. Публикацию в малотиражных изданиях (различных журналах и зинах²⁰, а также на Интернет-ресурсах);
3. Анонимный характер многих авторов и широкое использование псевдонимов, в т.ч. групповых.

Говоря о перспективе исследования антиполитического коммунизма, следует обратить внимание на более подробное изучение концепций конкретных авторов или групп авторов, а также на изучение такого направления политической мысли как «коммунизация», которому было уделено недостаточно внимания в рамках данной статьи.

Блэк Б. 2004. *Анархизм и другие препятствия для анархии*. — М.: Гилея.

Бурдьё П. 1993. *Социология политики*. — М.: Socio-Logos.

Ванейгем Р. 2005. *Революция повседневной жизни. Трактат об умении жить для молодых поколений*. — М.: Гилея.

²⁰ Зин (zine) или фэнзин (fanzine) — любительское малотиражное издание.

- Группа «Кризис»... 1999. Группа «Кризис». *Манифест против труда*. — Доступно: <http://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda>. — Проверено: 09.03.2015.
- Дебор Г. 1999. *Общество спектакля*. — М.: Логос.
- Дюпон М. 2011. *Разрушить каждое рабочее место*. — Доступно: <http://poslezavtra.be/Tactics/2012/10/27/razrushit-kazhdoe-rabochee-mesto.html>. — Проверено: 09.03.2015.
- Ленин В.И. 1990. *Детская болезнь «левизны» в коммунизме*. — М.: Политиздат.
- Невидимый комитет. 2011. *Грядущее восстание*. — М.: Ультракультура 2.0.
- Нэбб К. 2010. *Радость революции*. — М.: Едиториал УРСС.
- Ситуационистский Интернационал... 2012. Ситуационистский Интернационал. *О нищете студенческой жизни, рассмотренной в экономическом, политическом, психологическом и, в первую очередь, интеллектуальном аспекте, а также о некоторых способах её преодоления*. — М.: Гилея.
- Тиккун. 2014. *Теория девушки. Предварительные материалы*. — М.: Гилея.
- Троцкий Л. 1991. *Преданная революция*. — М.: НИИ культуры.
- Andrew X. 2011. *Give Up Activism: A Critique of the Activist Mentality in the direct action Movement*. — Zabalaza Books.
- Barrot J., Martin F. 1974. *Eclipse and Re-emergence of the Communist Movement*. — Detroit, Michigan.: Black & Red Pres.
- Bordiga A. 1976. Proletarian Dictatorship and Class Party. — *Communist program*. — № 2.
- Camatte J. 2012. *The Selected Works of Jacques Camatte*. — Prism Key Press.
- Edited by Noys B. 2011. *Communization and its Discontents: Contestation, Critique, and Contemporary Struggles*. — Minor Compositions.
- Dauvé G. 1983. Le roman de nos origins. — *La Banquise*. — № 2.
- Dauvé G., Martin F. 1997. *Eclipse and re-emergence of the communist movement*. — London.: Antagonism Press.
- Dupont M. 2009. *Nihilist Communism: A critique of optimism in the far left*. — Ardent Press.
- Gorz A. 1999. *Reclaiming Work Beyond the Wage-Based Society*. — Polity Press.
- Landstreicher W. 2002. *From Politics to Life: Ridding Anarchy of the Leftist Millstone*. — Venomous Butterfly Publications.
- Lefort C. 1952. L'expérience prolétarienne. — *Socialisme ou Barbarie*. — № 11.
- Moss S. 1939. *The Impotence of the Revolutionary Group*. — Доступно: <http://www.lettersjournal.org/moss.html>. — Проверено: 09.03.2015.
- Pannekoek A. 2002. *Workers' Councils*. — AK Press.
- Van der Linden M. 1997. Socialisme ou Barbarie: A French Revolutionary Group (1949–65). — *Left History*. — № 5.1.